

А. К. Сагинтаева

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ИДИОМ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ИХ МОТИВИРОВАННОСТИ

Идиомы можно в целом разделить на образные и символические. Первые связаны с метафорическим, реже с метонимическим переносом значения ситуации (фрагмента картины мира), которую они обозначают. К символическим относят идиомы, связанные с языковой символикой, возникшие, прежде всего, с фетишизацией (слепое преклонение) внутренних органов, неотторжимых частей тела человека, а также различных предметов на основе вербализации ритуальных и других жестов. Идиомы обладают своей, типичной именно для них внутренней формой, которая имеет вербальный характер и представлена в виде образа [7; 3; 4]. Содержание внутренней формы идиомы определяется теми вербальными ассоциациями, которые образ вызывает у говорящего и слушающего в процессе функционирования свободного словосочетания или предложения, используемых иносказательно вместо другого словосочетания или предложения: *сидеть сложа руки*, *толочь воду в ступе*, *носить воду в решете* (бездельничать, ничего не делать) или *кончен бал* (и все, конец). Такое понимание внутренней формы дает возможность выделить три параметра у ФЕ, идиом, причем каждый параметр несет свою, только ему присущую информацию.

Речь идет о следующих параметрах ФЕ:

- 1) об образной мотивированности ФЕ;
- 2) о внутренней форме ФЕ;
- 3) об этимологии ФЕ [10, 80].

Образная (фразеологическая) мотивированность идиом, ФЕ объясняется тем, что ФЕ восходят в своем образовании к определенному свободному словосочетанию или предложению, которые претерпевают образное переосмысление своего содержания или которые были использованы однажды вместо другого словосочетания, закрепились в языке и стали устойчивыми, т.е. превратились затем в ФЕ. Образная (фразеологическая) мотивированность уходит своими корнями в этимологию и тесно связана с ней, ибо она во многом определяет актуальное фразеологическое значение возникшей новой ФЕ. Этимология ФЕ, ее происхождение связаны с глубокими языковыми, параязыковыми и культурными, историческими, общественно-социальными факторами, явлениями, событиями

в истории того или иного народа. С помощью выяснения этимологии ФЕ можно объяснить связь между значением компонентов ФЕ и значением всей ФЕ в целом. Главное отличие образной (фразеологической) мотивированности от внутренней формы в современной фразеологии видится в том, что ФЕ вызывающие одни и те же ассоциации, т.е. способные формировать один и тот же или сходный образ, выражены путем комбинации разных компонентов, т.е. имеют разный план выражения. Образная мотивированность зависит от этих компонентов, и именно она позволяет сравнивать разные «внешние» выражения одних и тех же или сходных образов, понять, как одни и те же образы (ассоциации) возникают в результате комбинации разных слов, разных реальных ситуаций, разного представления о функциях и, шире, функционирований денотатов, обозначаемых словами-компонентами ФЕ.

В теории фразеологии отмечается, что в основе внутренней формы ФЕ лежит переосмысленная иносказательная ситуация, которая вызывает определенные вербальные ассоциации. Благодаря вербальным ассоциациям у слушающего и говорящего возникает определенный образ, связываемый с прагматической речью. Значение внутренней формы несет в себе информацию об образном основании ФЕ, но при отвлеченно-понятийной формализации оно может быть выражено с помощью идеограммы (дескрипции). Дескрипция обладает способностью передать в единицах словаря смысл ФЕ, ее синтаксическую функцию, а при необходимости идеограмма может быть снабжена оценкой в виде знаков (+) или (-). Такая передача значения внутренней формы ФЕ считается важной и полезной и для словарей [10, 81]. Особое объяснение на конкретных примерах получает при этом понятие идеограммы, о которой говорится, что она будет синонимична своей ФЕ. Так ФЕ *закрывать глаза кому-либо* будет иметь дескрипцию «присутствовать при кончине кого-либо» (+); ФЕ *закрывать глаза на что-либо* имеет дескрипцию «умышленно не замечать чего-либо» (-). Идеограмма синонимична образному значению ФЕ, и она передает смысл, выражаемый внутренней формой ФЕ. ФЕ как единицы фразеологической системы

могут выступать между собой и единицами лексикона в самые разные системные отношения: синонимические, антонимические и т.д. ФЕ того или иного семантического поля, будучи близкими по значению отличаются компонентным составом, а значит внутренней формой друг от друга, ср.: ФЕ семантики: «умереть» или семантического поля «умереть» – протянуть ноги, дать дуба, сыграть в ящик, отправиться на тот свет, закрыть глаза и т.д.

В современной теории фразеологии накоплен значительный опыт моделирования различных аспектов языковой природы ФЕ, в том числе их внутренней формы. Моделирование во фразеологии способствует раскрытию специфики ФЕ как знаков вторичной и косвенной номинации, творчества в образном мышлении того или иного этноса. Моделирование во фразеологии непосредственно связано с проблемой фразеологических универсалий, так как основные пути и способы фразеобразования представляются во фразеологии как универсальные [5; 1; 8; 6; 11; 13 и др.]. В области фразеологического моделирования выделяется широкий спектр фразеологических универсалий – от системно-имманентных универсалий на поверхностном уровне репрезентации до понятийных, экстралингвистически обусловленных на семантическом уровне [2].

Фразеологизмы создаются, как правило, по регулярным и продуктивным синтаксическим моделям. Более сложным и дискуссионным является вопрос о мотивационной структурно-семантической моделируемости ФЕ, т.е. о фразеобразовательной моделируемости ФЕ, основывающейся на внутренней форме ФЕ. При этом следует учитывать, что о фразеобразовательной моделируемости можно говорить только в плане описания, а не в плане порождения, т.е. речь идет о моделях анализа, а не синтеза. Понимание модели как некой дескриптивной сущности, выполняющей не столько предсказательные, сколько объяснительные функции, согласуется с современными взглядами на более широкое понятие модели. Активное использование понятия модели во фразеологии отражает стремление придать более рамочный характер концептуальному и терминологическому аппарату фразеологии и сблизить ее с лингвистическими дисциплинами, последовательно использующими для описания своих объектов элементы формализации. Понятия моделирования, фразеобразовательных моделей тесно увязывается с таким актуальным понятием как фразеосемантическое поле. В

качестве примера приводится моделирование фразеосемантического поля «порицать/наказывать» в немецком, английском и нидерландском языках. Этот анализ преследовал цель структурно-типологического исследования фразеологических систем трех германских языков и основывается на фразеологической концепции фразеологического моделирования с тремя типами инвариантов в языковой природе ФЕ: компонентный – ситуационный – фразеосемантический и на их взаимодействии [8]. А.Д.Райхштейн выделяет в содержании ФЕ три различных аспекта: 1) исходные (прямые) значения конститuentов, 2) исходный смысл всего переменного словосочетания, 3) совокупное сигнификативное значение ФЕ. В каждом из этих аспектов определенной группе ФЕ может быть приписано свое инвариантное значение. Установление типичных корреляций между этими тремя инвариантами (компонентным, ситуационным и фразеосемантическим) определяется как фразеобразовательное моделирование. Причем эти корреляции могут быть установлены на различных уровнях абстракции, что позволяет выделить как макро-, так и микрополя. Например, макрообраз: «воздействовать на предмет» → оказывать отрицательное физическое воздействие (на объект) → оказывать отрицательное воздействие (на объект – лицо); микрообраз: «портить какой-либо предмет, явление» → приводить в негодность → причинять неприятность [8, 63-66, 78-79]. Кроме того, ставилась задача выделить на основе ситуационных инвариантов относительно объемные группы ФЕ (т.е. макрообразы). Так, на этой основе удалось установить, что фразеологическое значение «порицать/наказывать» может формироваться на основе следующих ситуационных инвариантов:

1) причинять кому-либо неприятные физиические ощущения:

англ. *give smb in the neck* – дать кому-либо по шее

русск. *намылить шею*

2) сделать кому-либо что-л. неприятное

англ. *pull smb's leg* – тянуть ноги (обманывать, подшучивать)

русск. *дать прикурить кому-либо*

3) приготовить кому-л. что-либо неприятное

англ. *make it hot for smb.* – сделать кому-л. жарко

русск. *задавать жару кому-л.*

4) сообщить кому-л. какую-либо неприятную информацию

англ. *when hell freezes* – когда ад замерзнет
 русск. *показать, где раки зимуют*

5) мешать кому-либо, сдерживать кого-либо

русс. *схватить за шиворот кого-л.*

6) привести кого-л. неприятным образом в порядок:

англ. *comb smb's hair for him* – «намылить голову» кому-л.; дать кому-л. нагоняй;

русс. *вправить мозги кому-л.*

7) привести кого-л. в неестественное состояние, подвергая качественным изменениям

англ. *tear to bits/pieces*

русс. *стереть в порошок кого-л.*

8) переместить кого-либо неприятным образом в пространстве

англ. *put smb. in his (proper) place* – поставить кого-л. на место

Внутри каждой макромоделли в свою очередь оказывается возможным выделение микромоделей, т.е. более малочисленных групп ФЕ, но уже на основе компонентных инвариантов.

На основе описанной интегративной версии фразообразовательного моделирования получены результаты релевантные в плане типологии внутренней формы ФЕ в разных языках. В ходе проведенных исследований этого рода выявлено принципиальное сходство внутренней формы ФЕ, механизмов образного переосмысления, что говорит и о сходстве деривационного мышления в области фразообразовательных моделей разных языков. При условии последовательной организации идеографической информации на входе/на выходе системы могут быть получены иерархически структурированные фразеологические словари типа «от понятия к фразеологизму», на основе которых возможно разработать классификацию фразеологического корпуса по понятийно-семантическому основанию, что является одной из главных задач современной теории фразеологии. Вместе с тем, следует указать одновременно на то, что данная модель моделирования во фразеологии сильно абстрагируется от индивидуальных смысловых нюансов отдельных ФЕ в пользу выявления интегративных тенденций, и не может решать ряда проблем, реально стоящих перед фразообразовательным моделированием [10, 91-92].

Так, например, в создании английской ФЕ *get to first base* (добиться первого успеха, сделать первые шаги в каком-либо деле) решающую сему «перемещение объекта в пространстве» играет не имя ситуационного инварианта соответствующей макромоделли, а

ассоциация с победой в спортивной борьбе. Из этого можно сделать вывод, что для адекватного описания фразообразовательных процессов, приведших к формированию данной ФЕ, определяющим является не только прямое значение его компонентов или прототипа ФЕ и прямой ситуационный смысл соответствующего переменного словосочетания, но и семантика всей возникшей в сознании носителей языка «картинки». Речь идет в этом случае об элементах семантики, называемой в современной лингвистике фреймовой. В терминологии искусственного интеллекта динамичную «картинку», возникающую на экране памяти при реализации соответствующей языковой единицы, принято называть пакетом организации памяти или МОП (memory organization package), а отдельные гнезда пакета – сценами [12, 23]. Использование термина «сцена» для обозначения фразеологически релевантных элементов фреймовой семантики представляется необходимым и целесообразным во многих отношениях. Яркими примерами релевантности охвата всей сцены при моделировании могут служить также пришедшие из мира спорта ФЕ как англ. *play ball* (играть в мяч). Причем семантика сцены подлежит обязательной фразеографической кодификации, так как это проясняет мотивацию ФЕ и наиболее кратким и естественным образом эксплицирует его коннотацию. Так, например, прямое значение словосочетания «play ball» – «играть в мяч» (как по компонентному, так и по ситуационному инварианту) допускает весьма разнообразные семантические денотативно-коннотативные интерпретации (ср. аналогию с русским глаголом «отфутболить»). Но из всех потенциально возможных направлений смысловой модификации реальное воплощение в языке нашло лишь одно, приведшее к семантическому результату, «to act in accordance with the wishes of another or others so that things go along without difficulty» (коллоквиум., действовать в соответствии с желаниями другого лица или других лиц, так чтобы дела шли без осложнений). Выбор этого семантического направления мотивирован сценой, зафиксированной в словаре: «reflecting to a ball game and players who are playing together on the game team» относится к игре в мяч и к игрокам одной команды. Эта часть словарной статьи эксплицирует ассоциацию фразеологизма, т.е. те его признаки, которые лежат в основе переосмысления, но «не выходят из игры», а устойчиво сопровождают переосмысленное значение коннотации [9, 280; 10, 92-93]. Отказ от модификации сцены привел бы в этом

случае к стиранию внутренней формы фразеологизма, а от этого пострадал бы образный параметр коннотации в личностном тезаурусе пользователя. Как показывают исследования А.Д.Райхштейна и других фразеологов, в языке существует также ряд ФЕ, для которых вообще не возможно постулирование компонентных и ситуационных инвариантов, например, нем. ФЕ *Bahnhof verstehen* (понимать вокзал), фразеологическое значение «ничего не понимать». Фразеологизация данного переменного словосочетания осуществляется на базе отдельных компонентов, а не на основе переменного словосочетания в прямом значении, следовательно, единственно возможный путь фразеобразовательного моделирования – это раскрытая семантика сцены, акустически неразборчивые объявления на вокзале. *Bahnhof* «вокзал» выступает в данном случае как символ «неразберихи». Символы выступают активно во фразеобразовании разных языков [10, 92-93].

В теории фразеологии высказывается убеждение, что фразеобразовательное моделирование с учетом семантики сцены обладает большой объяснительной силой для экспликации таких составляющих фразеологического значения как образность, внутренняя форма, коннотация, скрытые специализирующие элементы значения, прагматические правила, накладывающие ограничения на употребление, казалось бы, логически не мотивированные ядром значения и т.д.

Из сказанного становится вполне очевидной необходимость включения семантики сцены в единый формат описания фразеобразовательных моделей. Однако реализация этой новой версии моделирования ФЕ на практике наталкивается на ряд трудностей. Во-первых, сцена представляет собой как бы индивидуальный «паспорт» каждого фразеологизма, концентрируя в себе в совершенном виде его неповторимую образность, внутреннюю форму и коннотацию. Из этого вытекает важное следствие: установление на этом уровне какого бы то ни было инварианта практически неосуществимо, так как это погасило бы неповторимость образного элемента семантики каждого конкретного фразеологизма. Во-вторых, даже при установлении огрубленных инвариантов на этом уровне (типа «на ринге»: *hit below the belt* (бить ниже пояса; применить запрещенный приём), *have no kick left* (быть без сил, выдохнуться, измучиться, быть не в состоянии сопротивляться), *be out for the count* (быть нокаутированным, не подниматься после десяти секунд; потерпеть пора-

жение, погибнуть), подобные группы не впишутся в единый формат, поскольку, как видно, нарушается важнейший принцип моделирования – сохранение фразеосемантического инварианта внутри каждой группы. В-третьих, если бы удалось найти способ рубрикации, удовлетворяющий этому условию, целесообразность открытия отдельного слова – для семантики сцены в едином формате, признается как сомнительная, поскольку у многих фразеологизмов, в первую очередь у «прозрачно» мотивированных, сцена полностью совпадает с ситуационным инвариантом, следовательно этот элемент часто будет пустовать [2, 93-95], ср.: например, нем. *eine Pille geben* (дать кому-л. пилюлю); англ. *bite smb's nose off* (откусить кому-л. нос).

Решить эту проблему можно следующим образом, формат фразеобразовательного моделирования должен специализироваться в зависимости от целей исследования для структурно-типологических и системно-номинативных исследований, целесообразным представляется сохранение версии моделирования по трем ступеням: фразеосемантическое поле → макро модель → микро модель. В качестве модификации этой версии во фразеологии предлагается учитывать на уровне макро модели элементы семантики сцены и формулировать имена макро моделей на основе ситуационно-сценарного инварианта. Так, если ситуационный инвариант в версии А.Д.Райхштейна формулировался на основе ситуационного смысла переменного словосочетания, то ситуационно-сценарный инвариант включает в себя элемент семантики, не выраженный данным словосочетанием, но ассоциируемый с ними в рамках соответствующей сцены [2, 94-95]. В основе термина «ситуационно-сценарный инвариант» лежит как сцена, так и сценарий – структура представления знаний (разновидность фрейма), используемая для описания последовательности связанных событий. Элементы сценария характеризуют отдельные события (место, где происходит действие, кто в нем участвует, чем оперирует и т.д.).

Иная версия фразеобразовательного моделирования предлагается для целей индивидуальной паспортизации фразеологизмов в словаре активного типа и/или в машинном фонде. В таком случае формат описания может, по мнению Д.О.Добровольского, вообще отказать от ситуационного инварианта, заменив его словом «сцена», который будет заполняться строго индивидуально для каждого фразеологизма без последующего преобразования в

инвариантные фрагменты и модули. Фразеобразовательное моделирование должно пониматься в данном случае не как установление инвариантных закономерностей фразеологизации, а как экспликация всех (в том числе и неповторимо индивидуальных) признаков, представлений и ассоциаций, участвующих в образовании данного фразеологизма. При этом следует различать этимологически-диахроническое моделирование, восстанавливающее реальные процессы фразеобразования, и синхроническое моделирование, ориентированное на живую внутреннюю форму. В связи с индивидуальной версией фразеобразовательного моделирования предлагается, кроме всего вышесказанного, учитывать также различия между первичной и вторичной фразеологизацией, так как вторичная фразеологизация содержит, по крайней мере, на один шаг больше, чем первичная. Помимо этого предлагается учитывать и специфику деривационной базы фразеобразования, а также тип смысловой модификации (прежде всего, метафора или метонимия). Предлагаемый дифференцированный подход к фразеобразовательному моделированию в зависимости от исследовательских задач позволит, по мнению Д.О.Добровольского, в значительной степени преодолеть то сопротивление языкового материала, с которым сталкиваются исследователи языка, занимаю-

щиеся практической рубрикой фразеологии [2, 96].

1. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразеобразования. – Ростов: Изд-во Ростовского университета, 1977.
2. Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом/Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1.
3. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978.
4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1996.
5. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: Высшая школа, 1980.
6. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. – М.: Высшая школа, 1987.
7. Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. – М., 2000.
8. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М.: Высшая школа, 1980.
9. Телия В.Н. Что такое фразеология. – М.: Наука, 1966.
10. Черданцева Т.З. Метафора и символ во фразеологических единицах//Метафора в языке и тексте. –М., 1988.
11. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1970.
12. Шенк Р., Бирнбаум Л., Мей Дж. К интеграции семантики и прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс. – Вып. 24, 1989.
13. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig, 1982.

Мақалада идиомалардың ішкі формасы және олардың уәжделуінің ұлттық-мәдени ерекшелігі қарастырылған.

Г. Ж. Садуахасова

ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕГІ ПЫСЫҚТАУЫШ ЖАЙЫЛМАЛАНДЫРҒЫШТАР

Тұрлаусыз мүшелер ішінен сөйлемнің формалдық құрылымын жайылмаландыруда, сол арқылы оның жалпы семантикасын кеңейтуде алдыңғы орында тұратын толықтауыштан кейінгі мүше – пысықтауыш. Бұл сөйлем мүшесінің сөйлем құрамында жиі қолданылуы оның мағыналық жағынан алуан түрлі болуымен байланысты. А. Байтұрсынов: «Пысықтауыш сөздер деп амал пысықтау үшін айтылатын сөздерді айтамыз. Сөйлем ішінде нәрсенің амалын көрсететін сөз – баяндауыш. Сондықтан пысықтауыш сөздер баяндауышты пысықтайтын сөздер болып шығады», – дей келіп, ғалым пысықтауыштың бес түрін (мезгіл, мекен, сын,

себеп, мақсат) атап көрсетеді [1, 282-285]. Міне осы бес түрлі пысықтауыш қазірге дейінгі қазақ грамматикаларында аталып келеді және осы түрде арнайы зерттеу нысандарына да айналған.

Осындай зерттеулердің нәтижесінде пысықтауыштардың басқа тұрлаусыз мүшелерге ұқсас жақтары мен олардан ерекшелендіретін белгілері нақты айқындалған. Ондай ерекшеліктерді жинастыра келе былай жіктеп көрсетуге болады:

- пысықтауыштың қызметтік жағынан анықтауышқа ұқсастығы бар: пысықтауыш мүше қимыл-әрекеттің белгісін, орындалу сапасын білдірсе, анықтауыш заттың әр алуан